Глава 1269

Первый Старейшина немного сомневался. Покосился на Предка Мо – тот по-прежнему стоял столбом на одном месте в глубокой прострации – и всё же решился помочь. Сконцентрировался на внутренней ци, напрягся каждой мышцей своего тела, с усилием вскинул вверх правую ладонь: от земли протянулся луч света и медленно превратился в золотистый потрескивающий шар. Когда сфера достигла нужных размеров и накопила достаточное количество духовной силы, мужчина рывком всадил её прямёхонько в рану на груди Мо Юньцин. Сияние мягкой волной прокатилось по каждой клеточке её организма. От перенапряжения у Первого Старейшины с виска скатилась капелька пота. Сейчас был самый сложный и ответственный момент – не приведи небеса оступиться или отвлечься! Отдачей шваркнет так, что на милю вокруг не останется ничего живого.

Мо Цзысюй с замиранием сердца следил за работой старшего родича, в глазах застыло восхищение вперемешку с мрачным торжеством: кто бы ни посмел убить его дочурку, он отомстит стократно!

- Ааапчхи! – между очередной телепортацией Су Ло остервенело чесала нос: несложно было догадаться, кто там её поминает не злым тихим словом, хе-хе.

А Первый Старейшина тем временем целиком и полностью был занят процессом подсвечивания изнутри тела Мо Юньцин. И работало! Её ледяные руки и ноги мало-помалу отогревались, ресницы задрожали и даже, кажется, шевельнулся её указательный палец!

- Действует, действует! – восторженно возопил Мо Цзысюй, тут же заприметив перемены в дочери. Однако после убийственного взгляда Старейшины («не мешай, полоумный!») пришел в себя и снова притих. В конце концов, его почтенный дядюшка применял технику «Возвращения души», а она требовала буквально нечеловеческих затрат сил и энергии, да и отвлекаться ему было строго противопоказано.

- Папа… - пока Владетель Центрального Дворца с умным видом размышлял о вечном (а именно, о распространенной идиоме о любовании чужим трудом), Мо Юньцин, наконец, с трудом открыла глаза.

- Золотко моё! – у мужчины на глазах заблестели слёзы, он схватил дочку за руку с такой силой, словно не собирался её больше никогда-никогда отпускать. – Ты очнулась!

- Папа, я не… умерла? – все мысли в голове девочки словно заволокло туманом, мелькали какие-то смутные образы и обрывки эмоций, но она ни за что не могла ухватиться.

- Не говори так! – как бы там ни было, Хозяин Центрального Дворца совершенно не был готов принять смерть его малышки.

Первый Старейшина, несомненно, был тронут долгожданной встречей отца и дочери, однако предпочел бы, чтобы племянничек не забывал, на чьих поту и крови свершилось данное чудо. И не болтал попусту, держать девчонку было ой-как не просто! А он тут задушевные беседы развел! Увы, плотно сжатые челюсти не позволяли ему окликнуть растроганного Мо Цзысюя – приходилось делать страшные глаза и выразительно зыркать. Но тот и вовсе не обращал на него никакого внимания, поглощенный общением с дочкой – ведь он был уверен, что потерял её навсегда…

Гневное покашливание Старейшины, у которого от этого таращенья уже глаза разболелись, привело Владетеля Дворца в чувство, и только тогда он соблаговолил вспомнить, для чего они,

собственно, устроили весь этот богопротивный сыр-бор по воскрешению из мертвых:

- Цин’эр, скорее поведай своему папочке, что тут такое произошло? Кто пронзил твоё сердце мечом?!

От столь резкой перемены темы Мо Юньцин непроизвольно вздрогнула и погрузилась в глубокую задумчивость: её кто-то проткнул мечом? Да, что-то такое мелькало в её мыслях… Что-то важное…

Глава 1270

- Кто это был… - натужная работа шестеренок в её черепушке была почти физически слышна.

- Да, кто это был? Кого ты видела в ту последнюю минуту? – попытался хоть как-то направить мысли дочери в нужное русло Мо Цзысюй, но, очевидно, не преуспел:

- Это… Это… Папа отправил меня в заключение… под замок… - как ни удивительно, обида на отца за подобную несправедливость на какой-то миг пересилила даже ненависть к Су Ло. Однако даже это «незначительное» воспоминание дало мужчине надежду – значит, ещё не всё потеряно, мозг его дочери не до конца умер от гипоксии!

- Да-да-да, папа очень виноват, папа отправил Цин’эр в тюрьму, негодяй какой, - согласно закивал Хозяин Дворца. Ей-богу, был бы пепел под рукой, он бы им и голову посыпал – всё, лишь бы докопаться до правды! – Кстати говоря, как открылась дверь твоей комнаты?

- Дверь моей комнаты…

Терпение мало-помалу покидало мужчину. Он пытался оттолкнуться от этого проблеска её разума и хоть как-то подтолкнуть память девочки в нужное русло, но, казалось, всё было впустую. Живой ум его дочурки словно одеревенел, любые мыслительные процессы шли с таким скрипом, что сводило зубы у всех присутствующих. Увы, только она одна могла назвать имя убийцы.

- Цин’эр? Цин’эр? – Мо Цзысюй испугался, что связь с дочкой потеряна, и легонько встряхнул её несопротивляющееся тельце. И сим несложным движением он, казалось, встряхнул не только свежие раны её организма, но и застоявшиеся мозги, ибо в голове Мо Юньцин вдруг пронеслось озарение:

- Папа… Су… Су… Су… - от волнения ей никак не удавалось произнести полностью имя негодяйки, отнявшей её жизнь, и её просто заклинило на этом одном-единственном звуке.

- Что?.. Сухофрукты? Сумерки? Судно? – Хозяин Дворца изо всех сил пытался помочь дочке, но та лишь качала головой и бесконечно повторяла это «Су». – Не торопись, скажи медленно!

- Су… Су… Су… Ло!

- Су Ло! Это Су Ло убила тебя! – теперь, когда он наконец узнал имя виновницы, он с неё три шкуры спустит! И одну обязательно повесит на стене своей комнаты!

- Не всё… Су… Су… Ло… это… - от перенапряжения тело Мо Юньцин вздрогнуло и девушка почти потеряла сознание, однако уплыть в долгожданную темноту не позволил полу-истеричный оклик отца:

- Что Су Ло?! Говори же!

- Она… Про… Про… - бедняжка заикалась, бледнела, покрывалась потом – но никак не могла произнести слово целиком!

Если кому в этой ситуации и было хуже Мо Юньцин, так это Первому Старейшине: он из последних сил удерживал рвущуюся душу девушки в её собственном теле.

- Дядюшка, потерпи ещё немного, совсем чуть-чуть! – Мо Цзысюй интуитивно чувствовал, что дочка пытается сказать ему что-то поистине важное, и необходимо во что бы то ни стало «дожать» из неё правду. Так что пришлось Первому Старейшине до крови прикусить свой язык – боль хоть немного отрезвила и вернула его в чувство реальности – и на последнем издыхании удерживать девчонку.

- Те… Те… Те… - на Мо Юньцин было жалко смотреть: всё тело дрожало, словно от холода, глаза настолько закатились, что были видны одни белки, и те налитые кровью от полопавшихся сосудов.

- Что «те»?! Тень? Тело? Терраса?! – отчаявшийся Владетель Дворца не мог придумать ничего лучше, чем играть в угадайку, но, кажется, от этого не было ровным счетом никакого толку.

- Те… Те… Те… кха-кха-кха… - изо всех отверстий на лице девушки потекла кровь, залила трахею, из-за чего бедняжка никак не могла откашляться. Душераздирающее зрелище.

И именно эта безнадежная картина внезапно заставила очнуться Предка Мо. Теперь его ледяной взгляд оказался прикован к окровавленному телу Мо Юньцин, и в несколько шагов он оказался подле внучки, требовательно рявкнув:

- Говори!

http://tl.rulate.ru/book/219/1472372